

ни были важны деньги, они никогда не смогут стать духовным двигателем культуры в целом. Как бы ни была привлекательна для большинства продукция массовой культуры с ее ориентацией на успех и гляцевую внешность, подлинное искусство будет стремиться выражать и этические императивы. Весь ход развития культуры свидетельствует о том, что стремление к универсальному неслиянно-нераздельному этико-эстетическому единству есть двигатель духовного прогресса человечества, независимо от этнических, экономических, социальных и других различий. Без этого перманентного восхождения языческие, монотеистические, технократические культуры не нашли бы идеологического фундамента для своего существования. Более того, именно это стремление остается стержнем, даже методологией в пространственно-временном разрывании человеческого бытия.

1. Федотов Г. П. В защиту этики // Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 2: Статьи 1920–30-х гг. М.: Мартис, 1998.
2. Маритен Ж. Искусство и схоластика. М.: Искусство, 2003. С. 463.
3. Критика совр. искусства см. : А. В. Гулыга «Эстетика в свете аксиологии» (критика «деструктивного постмодернизма»).
4. Назаров В. Н. История русской этики. М.: Гардарики, 2006. С. 289.
5. Ратмайр Р. Текстовое пространство упаковки пищевых продуктов: эстетический аспект // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С. 265.
6. Соловьев В. С. Красота в природе / Соловьев В. С. // Соч. в 2 т. М. Мысль, 1988. Т. 2. С. 351.

А. А. ХАХАЛОВА

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА СУБЪЕКТА (НА ОСНОВЕ РАБОТ ДЖ. ГИБСОНА)

Данная статья посвящена проблеме восприятия и субъективности в той мере, в какой всякое восприятие предполагает самовосприятие. Эта проблема разрабатывается с помощью экологического подхода в когнитивной психологии Дж. Дж. Гибсона. В статье предпринята попытка критического анализа структуры визуального восприятия, на основе которого выделены основные предпосылки концепции экологической самости. *Ключевые слова:* психология, экологическая самость, эстетика, субъект, восприятие.

Вопрос об *экологической эстетике* интересен в той мере, в какой мы все являемся «*dzoön aïsthetikón*», животными чувствующими, постигающими мир с помощью ощущений, чувственных восприятий. В свою очередь, тема восприятия принадлежит существенно не только к эстетической философии, но и ко всякой мысли о субъекте, сознании, человеческом бытии. Восприятие, по крайней мере с появления трансцендентальной философии, становится в основу нашего знания о нас самих, как о познающих¹, поскольку первый вид познания, который доступен нам — это чувственное восприятие мира. Существуют исследования восприятия как когнитивного процесса, как элементарного события психической жизни или наоборот, как целого комплекса

внутренней жизни сознания (в психологии развития, когнитивной психологии, феноменологии). Анализ данной эстетической способности, способности восприятия предмета, мира интересен в той мере, в какой всякое восприятие есть само-восприятие, т.е. в какой всякое чувственное восприятие задает форму субъективности, является основой чувства самости (sense of self) в субъекте. В данном исследовании я хотела бы представить *экологический подход* к анализу восприятия в когнитивной психологии в лице Дж. Гибсона, У. Найссера, а также, показать возможные пути взаимодействия этого подхода с феноменологической мыслью, как в лице классиков феноменологии (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти), так и в лице современных феноменологов (Ш. Галлагер, Э. Томпсон). Последние представляют такое междисциплинарное взаимодействие.

Экологический подход Гибсона, наиболее подробно описанный в его книге «Экологический подход к анализу зрительного восприятия», предоставляет возможности для схватывания *иных* форм субъективности, отличных как от классической концепции «субстанции», имеющей смысл *causa sui*, в философии, так и от бихевиористских, упрощенных психологических моделей субъекта, поставленного в зависимое положение от «стимула». Это схватывание, новые горизонты понимания субъективности требуют изменения терминологии. Чтобы отличить эти первые формы субъективности от привычного нам рефлексивного, артикулированного сознания (consciousness), cogito Декарта, многие авторы вводят термин самость (self), намекая на то, что для того, чтобы нечто воспринимать, ощущать, переживать, осуществлять какую-либо деятельность, окрашенную *интенционально*² (например, с помощью эмоции), уже необходимо обладать неким первичным осознанием себя, схватыванием себя на до-рефлексивном, до-языковом уровне, т.е. обладать «чувством самости» (sense of self). Анализу возникновения такого чувства самости посвящены работы когнитивных психологов, психологов развития, анализу его функционирования и связи с нейронными процессами в мозге — работы нейрофизиологов, нейробиологов и т.д.³ Также термин «самость» фигурирует в аналитической философии (philosophy of mind, mind/body problems).

В работе Гибсона нет явного акцентирования на теорию самости, он не выделяет этапы развития чувства самости в субъекте, он не использует его в качестве главной темы исследования. Но, именно теория Гибсона позволила в дальнейшем У. Найссеру построить такую теорию и вывести серьезные следствия для философии субъективности в целом⁴. Обращаясь к вопросу о чувственном восприятии, Гибсон, в первую очередь, говорит о зрительном восприятии. В своей книге Гибсон разворачивает перед нами сложную топика этого эстетического процесса, который перестает, тем самым, пониматься как простое, элементарное событие психической жизни — как это было принято в академической психологии начиная с XIX века и по сей день (бихевиоризм, например). Как раз во введении и на протяжении всей книги Гибсон подвергает критике и пересмотру такое видение психики, чувственного восприятия в целом. А именно, он говорит о его изначально сложном устройстве, исполнении, при котором оказываются задействованным не только орган восприятия (например, глаз) и соответствующие рецепторы, но и вся телесность, мозг, сознание в слабой форме. Гибсон говорит о единой системе восприятия «орган-голова-тело»: «... органом зрения является система, в состав которой входят глаз, голова и тело, способное передвигаться по земле. В этой

системе мозг- всего лишь один из ее центральных органов» [5, С. 24]. Концепция *системы восприятия*, в отличие от концепции *атомарного восприятия* (стимул-реакция определенной группы рецепторов), тем самым, заставляет нас по необходимости осваивать заново, по-иному процесс восприятия внешнего мира. Логика Гибсона задает псевдо-наивную герменевтику «естественного восприятия», как пишет сам Гибсон, естественного опыта, или, как сказали бы феноменологи, герменевтику *повседневного бытия*, ситуацию обыденного, повседневного опыта восприятия, бытия-в-мире. Обрисовывая это естественное положение-дел опыта восприятия, понятно, что мы должны включить в него мою опытную телесность⁵, мое опытное окружение (*environment*), состоящее как из вещного горизонта, так и из других субъектов (интерсубъективное бытие). Таким образом, Гибсон радикально изменил установку исследования, сменив акцент с единичного факта психической жизни на *комплексное бытие* одушевленного сущего. Как мы видим эта установка в своих принципиальных положениях близка к феноменологической установке бытия-в-мире. Таким образом, одним из основных положений в вопросе самости среди авторов, которые пишут о развитии субъекта, обращаясь к материалу когнитивных нейрофизиологических наук, является постулирование о-телесенного, воплощенного сознания (*embodied consciousness*)⁶. Усваивая уже ставшей аксиоматической системой современной философии экзистенциальную аналитику Dasein и феноменологию телесности М. Мерло-Понти, эти авторы исходят из общего начального пункта: вопрос о самости — это вопрос о бытии-в-мире, о телесном субъективном опыте, в структуру которого входят репрезентации нейронных процессов в мозгу, психосоматические феномены (аффекты, эмоции, ощущения и т.д.), окружение, герменевтическая ситуация, другие люди. Таким образом, теперь мы можем представить первичное сознание, открытое в предыдущей главе, подобно тому, как К. Вайдер описывает базовый уровень само-сознания: «эта самость — тело как присутствие в мире, т.е. самость как телесное сознание. Осознание такой самости есть осознание того, что значит быть собой, этим телесным субъектом сознания в этот конкретный момент и в этом конкретном месте»⁷.

Как Гибсон начинает исследовать это естественное восприятие? Первая часть книги посвящена введению читателя в понимание новой формации воспринимающего субъекта. А именно, Гибсон описывает взаимную регуляцию между организмом и его окружением, о том, что одушевленное существо *обитает* в некотором окружении,

¹ «... всякое наше познание начинается с опыта» (И. Кант, Критика чистого разума, М.: Мысль, 1994. С. 32).

² В данном случае, это дословное понимание этого слова, близкое к схоластическому, означает «делать нечто намеренно, обладающая в себе смыслом деятельности», включающее в себя эмоционально-аффективное расположение как одно из возможных смыслополаганий, а не в классическом феноменологическом понимании структуры интенционального сознания. Как раз последнее является более развитой формой сознания, о чем речь сейчас не идет.

³ Дж. Гибсон, У. Найссер, С. Тревартен, А. Дамазо, Х. Бермудес и др.

⁴ См. U. Neisser «Five kinds of self-knowledge».

а не просто наличествует в пустом ньютоновском пространстве⁸. В этом взаимном определении себя через окружение и окружение через свой опыт субъект воспринимает *информацию*⁹ не только об окружении, но и себе самом. Тем самым, Гибсон возвращает нас к исконному пониманию слова «oikos», понимаемого как дом, место обитания, жизни, *обжитая, о/усвоенная местность*¹⁰, в которой есть всегда *преимущественное и привилегированное положение — положение хозяина, в данном случае, наблюдателя, центральная точка зрения*.

Попробуем выделить основные пункты, которые характеризуют экологический подход Гибсона:

1 — система «организм-окружающий мир»; компоновка окружающего мира

2 — диалектика инвариантного и вариантного в восприятии; связность движения и восприятия

3 — самовосприятие в опыте визуального восприятия

Для того, чтобы представить движение мысли Гибсона надо иметь в виду все три пункта и понимать, что это деление лишь схематично и отражает различные моменты одного единственного опыта восприятия субъекта в окружающем его мире. Это ясно из того, что субъект воспринимает, двигаясь в мире, задавая, тем самым, границы своего окружения, различая внутри этих границ себя (self) от всего остального (non-self).

Мы уже приступили к описанию взаимной регуляции «организм-окружение», которое приблизило теорию Гибсона к феноменологическому методу: то феноменальное поле, которое открывается в результате феноменологической редукции также далеко отстоит от идеи пустого пространства с объектами внутри него, как и экологическое окружение воспринимающего субъекта. Мне бы хотелось только указать на одно существенное для данной работы различие между ними¹¹. Все три пункта, согласно подходу Гибсона, претерпевают определенные изменения по ходу прочтения книги. А именно, Гибсон совершает *редукцию* в отношении к ним. Эта редукция заключается в том, чтобы перестать воспринимать их в качестве всеобщих моментов всякого восприятия, и заключить их в скобки визуального восприятия, в рамках которого эти три пункта образуют структуру *экологической оптики*. Попробуем проследить как происходит это превращение всего опытного пространства в пространство визуального опыта. В первую очередь, это связано с превращением предметности опыта, субстрата в предметность визуального опыта — объемлющий свет, благодаря которому мы можем обладать следующей оптической информацией: мы можем видеть границы *поверхностей, объекты* в среде, *вещества*, из которых они состоят — все то, что составляет «телесный угол»¹² восприятия. Все эти понятия составляют окружающий мир воспринимающего субъекта, то, что я *могу* видеть, то, что выходит на свет в моем окружении. «Мы живем не в „пространстве“, а в окружающем мире, который состоит из более или менее телесно оформленного вещества, воздушной среды и поверхностей, отделяющих вещества от среды» [1, С. 65]. В отношении феноменологической

⁸ «Leib» в отличии от «Körrer» в рамках гуссерлевской феноменологии.

⁹ Ш. Галлагер, Д. Захави, О. Фланаган, и др.

структуры «фигура-фон», в которой опыт восприятия складывается из собирания воедино нескольких аспектов, оттенков (Abschattungen) предмета, благодаря чему мы видим определенное нечто, обладает поэтико-поэтической мерой восприятия, получаем *cogitatum*, Гибсон совершает *визуальное эпохэ*, выводит из игры всякую полярность сознания (субъект-объект, нозза-ноэма и т.д.), также как и всякое рефлексивное сознание (мир состоит из вещей, других, мы находимся в пустом пространстве и т.д.), для того, чтобы наиболее непосредственным образом описать структуру визуального опыта. В данном случае, Гибсон пытается описать, что нам видно, на до-рефлексивном, до-концептуальном, до смысла-образующем апперципирующем уровне, что видно животным, маленьким детям, не обладающим развитым концептуальным аппаратом. Таким образом, все элементы окружающего мира (поверхность, вещество, среда, объект) требуют совершенно особого переопределения, учитывая их до-концептуальный порядок, Гибсон во второй главе говорит о том, что значение окружения в этом случае не выводится из какого-либо суждения, «его можно обнаружить» в опыте восприятия. Примерами *так значимого* окружающего мира становятся «земь» — поверхность земли, точка отсчета для всех остальных поверхностей, перпендикулярная направлению силы тяжести, «укрытие» — «компоновка поверхностей» которые окружают среду; понятие объекта также далеко отстоит от его классического понимания. В данном случае, объект означает визуальную информацию о либо замкнутой со всех сторон поверхности — «изолированный объект», либо не со всех — прикрепленный к поверхности объект (например, ветка на дереве, дерево), либо полый внутри (сосуд), либо цельный объект. Все эти определения призваны как можно более упростить язык описания, сделать его доступным для непосредственного опыта; они указывают лишь на то, что дано в опыте видения субъекту (определенное нечто, с которым можно делать определенные действия). В данном случае, речь

⁷ «This self is body as a presence to the world, that is, the self as embodied consciousness. Awareness of this self is awareness of what it is like to be me, this bodily subject of consciousness in this particular time and place». [4, P. 64], перевод мой.

⁸ Интересно, что Е. Томпсон с другой стороны, со стороны биологии и феноменологии также говорит о взаимном определении организма и его окружения. В данном случае, для него центральным понятием оказывается «аутопоэтическая система», характеризующая бытие в мире такого организма. См. Е. Thompson, *Mind in Life*.

⁹ К сожалению, термин «информация» не является классическим для феноменологии и требует отдельного определения в рамках экологического подхода. Пока достаточно будет отметить, что в опыте восприятия информацией является не нечто уже артикулированное, объективированное, то, что можно передать другому, а есть нечто непосредственно переживаемое самим субъектом, световой «объемлющий строй», входящий в «телесный угол» восприятия.

¹⁰ «Не следует забывать (а это часто упускается из виду), что слова *животное* и *окружающий мир* неразрывно связаны друг с другом. Употребление любого из этих понятий подразумевает наличие другого. Ни одно животное не смогло бы существовать без окружающего его мира. Точно так же, хотя это и не столь очевидно, говоря об окружающем мире, мы подразумеваем какое-то животное (или по крайней мере какой-то организм), которое он окружает». [1, С. 31].

идет о восприятии особой компоновке, выкладке (layout) поверхностей окружения, в которой можно выделить перечисленные варианты. Чтобы лучше понять их значение можно обратиться к еще одному факту окружающего мира, факту «встроенности» (nesting) более мелких элементов в более крупные. «Компоненты окружающего мира и события в нем естественным образом распадаются на элементы. Эти элементы встроены в друг друга» [1, С. 4]. Таким образом, в моем поле зрения оказываются границы поверхностей¹³ (стык двух веществ в объекте — воды и воздуха в стакане с водой), границы между текстурой водной поверхности и текстурой стеклянной поверхности, встроенные в особую компоновку поверхностей (поверхность деревянного стола, которая в свою очередь граничит с воздушной средой),... в пределе, любой вид оказывается встроенным в инвариантную границу между двумя полусферами (между верхней поверхностью, небом, потолком и нижней, землей, полом). Например, чашка кофе встроена в вид рабочего стола, который встроен в вид комнаты и т.д. Соответственно окружению более мелкие «телесные углы» встроены в более крупные.

Подходя ко второму пункту нашего разбирательства мы уже можем зафиксировать следующие инварианты опыта визуального восприятия: деление на две полусферы — линия горизонта, — задающее самую глобальную инвариантную границу нашего восприятия. Это означает, что если все остальные границы между поверхностями постоянно претерпевают изменения, искажения и возмущения, то заметить это мы можем только если уже обладаем инвариантой структурой визуального поля. Еще одним инвариантом является наличие света, освещения (даже ночью, какая-то часть окружения освещена, [1, С. 54]) моего визуального поля. Об остальных инвариантах мы скажем позже, когда перейдем к третьему пункту экологического подхода. Сейчас достаточно будет сказать, что восприятие обладает *перспективной*, изменчивой структурой и инвариантной, неизменной. Диалектика между случайным, изменчивым полем зрения, опытом чувственного восприятия и инвариантной структурой этого опыта становится определяющей для теории Гибсона. Очевидно, и в этом второе важное приобретение экологического подхода, что восприятие никогда не происходит в виде изолированного моментного события, а всегда подразумевает локомоцию, движение воспринимающего.

О единстве движения и восприятия феноменологам известно уже давно. Гуссерль описывает восприятие предмета с точки зрения возможностей рассмотрения этого предмета с разных сторон, в разных оттенках, ракурсах, моментах. Эти возможности, сфера «Я могу» задается движениями моего тела, кинестетическими синтезами. В свою очередь, Мерло-Понти более детально разрабатывает механизмы функционирования тела в опыте восприятия, наделяя тело статусом субъективного, отдельной формы схватывания субъектом себя самого, статусом сознания (awareness), которое,

¹¹ Несомненно, я не ставлю знака равенства между экологическим подходом и феноменологией, как несомненно и то, что различий между ними намного больше.

¹² Физическое понятие, означающее угол видения, вершина которого упирается в глаз наблюдателя, а основание на все видимое в каждый момент поле.

в первую очередь, означает осознание своего движения. Очевидно, что в повседневном опыте это осознание не является видом рефлексии, специальным актом следующего уровня, опосредованным, оно действует заодно с нынешним восприятием непосредственно¹⁴. О развитии мысли о телесном сознании, о единстве восприятия и движения также говорит Ш. Галлагер в своей книге «Как тело формует сознание», где в основе его интерпретации феноменологии Мело-Понти лежит понятие *телесной схемы*¹⁵.

Движение в экологическом подходе понимается иначе, оно задается диалектикой вариантного и инвариантного в моем поле зрения: «движение в окружающем мире в действительности столь существенно отличается от движения, которое изучал Исаак Ньютон, что лучше представлять его себе в виде изменений структуры, а не как изменение положения точек; в виде изменений формы, а не координат; в виде изменений в компоновке, а не как движение в обычном смысле слова» [1, С. 42] Движение формы подразумевает в себе сохранение в изменении, Гибсон также использует пару «устойчивость-изменение» (persistence-change), говоря о восприятии окружающего мира. «„Неизменные объекты природы“, о которых так много говорили философы, в действительности представляют собой всего лишь объекты, которые сохраняются в течение очень долгого времени» [1, С. 39]. Переходя к опыту визуального восприятия диалектика неизменного и изменчивого приобретает субъективный характер. Речь идет в первую очередь о визуальном поле, о компоновке видимого, о движении само воспринимающего. Устойчивым в данном случае будет то, что постоянно сопровождает мой визуальный опыт (см. ниже). Все остальное в поле видимого будет подвергаться постоянным сдвигам, искажениям, переменам. В общем, можно сказать о том, что практически невозможно встретить в естественном опыте восприятия некие неподвижные образы, их ракурсы и моменты. Именно поэтому Гибсон скептически относится к требованиям в психологических экспериментах неподвижности и стабильности восприятия — они не выполнимы. Всегда в любой момент времени мы совершаем минимальные движения глазами, головой, конечностями и т.д. Чтобы избежать впадение в квазифеноменологическую схему собирания оттенков предмета — активный синтез сознания, — которая все же подразумевает стабильного, невозмутимого зрителя, Гибсон предпочитает связке «движение-восприятие» понятие «возмущения оптического строя», возмущения структуры. Тем самым, Гибсон смещает акцент с оппозиционального отношения «субъект-объект», которое всегда подразумевается в феноменологической схеме восприятия, на совместное, единое, неразделенное действие воспринимающего и его окружение, на их диалектическое движение. Кроме того, «возмущение оптического строя» позволяет говорить не о конкретных вещах, предметах, а о таких феноменах как, смещение

¹³ Любой объект, любая среда состоит из веществ (например, воздух), видимая грань любого вещества любого объекта обладает определенной структурой. Эту грань Гибсон называет поверхностью. Очевидно, что в опыте восприятия я вижу не поверхность, а границу между разными поверхностями, именно они задают формы и очертания предметов на концептуальном уровне восприятия.

границ поверхности, убывание и увеличение объемлющего света, рассеивание, исчезновение и появление объекта и т.д.

В повседневном опыте восприятия через движение нас постоянно сопровождают неизменные «заслоняющие поверхности» — это видимые части носа, губ, бровей, волос, рук и ног, т.е. то, что обрамляет контур моего «телесного угла», то, что я никогда не смогу преодолеть. Все остальное в рамках моего телесного угла подвержено изменению. Здесь Gibson впервые подходит к третьему пункту: в каждом восприятии есть информация о самом воспринимающем. В случае, со зрением, это те постоянно сопровождающие мой визуальный опыт инварианты — заслоняющие края моего визуального поля¹⁶ в нижней полусфере. Благодаря этой инвариантной субъективной структуре опыта воспринимающий оказывается вовлечен в само визуальное поле, в компоновку своего окружения, в оптический строй восприятия. Становясь частью окружения, двигаясь вместе с ним субъект способен наделить ближайшее к себе окружение смыслом *собственного*, собственного бытия, смыслом принадлежности происходящего, наблюдаемого себе. Таким образом, вся информация визуального восприятия будет разделяться на *проприоспецифическую* или проприоцептивную информацию и *экстероспецифическую*. Проприоцепция — это психологический термин, означающий наше ощущение собственного тела, ощущение положения конечностей моего тела в пространстве, ощущение моего движения, также, к ней относят предсознательные процессы, такие как эфферентная и афферентная связь, нейронные процессы, отвечающие за движения и т.д.¹⁷. Нам, достаточно ограничиться феноменально наблюдаемой составляющей этого чувства, на основе которого субъект может осуществить деление на сферу собственного (self) и не-собственного (non-self). Очевидно, как замечает Gibson, что эта граница не четкая, мобильная и изменяемая, в зависимости от того, какие *возможности* для действия открывает воспринимающему его окружение. Одним из примеров является одежда, которую мы носим. (пример), ручка, которой мы пишем, трость для слепого, машина, в которой мы едим и т.д. Аналитический философ Х. Бермудес также подчеркивает, что во внешнем восприятии субъект получает как информацию о среде, так и коррелятивную ей информацию о себе самом (следовательно, экстероцепция всегда сопряжена с проприоцепцией)¹⁸. Когда я совершаю движение, я полагаю границу между мной и окружением (тело мое послушно моей воле в значительно большей мере, чем окружающие объекты). Это разделение, проведение границ между тем, что является моим ощущением и тем, что оказывается по ту сторону меня, составляет содержание *экологической самости* — первичной формы самости по Найссеру¹⁹.

Стоит подробнее разобрать второй момент самовосприятия: восприятие себя через восприятие тех *возможностей* для собственного движения, которые открывает воспринимающему его окружение. Речь идет о механизме полагания границы

¹⁴ О различии понимания телесного сознания у Гуссерля и Мерло-Понти см. T. Carman, The body in Husserl and Merlo-Ponty, PHILOSOPHICAL TOPICS VOL. 27, NO. 2, FALL 1999.

¹⁵ Эта интерпретация выстраивается в диалоге с психологией развития и нейрофизиологией.

между собой и иным, о том, что задает эти границы в опыте восприятия. Обнаруживая в поле зрения какие-либо элементы структуры восприятия, например, нижнюю поверхность, которую можно использовать как опору (землю, пол), субъект теперь может использовать это знание. А именно, он может опереться на эту поверхность и, тем самым, освободить мышцы ног, начать двигать руками и ногами. Затыкаясь на преграду — стену — субъекту придется ее обогнуть, или перелезть, т.е. действовать согласно ситуативным данным. В случае с небольшим объектом, субъект может либо дойти, либо дотянуться до него, взять в руки и ударить им по другому объекту и т.д. Интересно, что в данном случае, смысл окружению, объектам в нем дает сама ситуация, субъект ситуации, точнее, его действие в ситуации, а не объективированные определения, качества, история и традиции использования объектов. Таким образом, Gibson выделяет несколько ключевых наименований для объектов, согласно их возможному употреблению. Палкой будет называться все то, что имеет продолговатую форму, достаточно легкая для маневрирования (махания, битья и т.д.). Эту идею о смыслополагании среды через действие в ней Gibson называет теорией мотиваторов, или *мотивированных возможностей* (affordances)²⁰. Как мы видим по своему значению теория возможностей во многом согласна с идеей подручного характера бытия в экзистенциальной аналитике Dasein. А именно, Хайдеггер говорит о том, что бытие-в-мире характеризуется двумя модусами взаимодействия с вещью: *наличным* и *подручным*. В первом случае, вещь является чем-то абстрагированным и объективированным, не задействованным никак в моем проживании. Во втором случае, я наделяю вещь определенным смыслом «для-того-чтобы», инструментально, в качестве утвари или средства. В данном случае, молотком будет называться всякий предмет, который я использую в качестве забивающего гвоздь. В данном случае, источником этих возможностей для действия выступает совместное движение меня и окружения. В свою очередь, это взаимное определение позволяет мне получить определенную информа-

¹⁶ Интересное замечание, которое Gibson делает в этой главе состоит в том, что визуальному опыту присуща диспаратность, различие между перспективой правого глаза и перспективой, открывающейся левому глазу. Это можно проверить смотря на какой-либо предмет то одним глазом, то другим. Действительно, тогда мы можем заметить небольшое смещение общего телесного угла нашего восприятия то в одну сторону, то в другую. Это смещение, разницу между двумя перспективами Gibson называет диспаратностью визуального поля. Относительно этой диспаратности, заслоняющие края нашего визуального поля, которые сопровождают нас постоянно — видение части носа — также могут быть либо всегда слева, либо всегда справа. Но это не изменяет общее положение о том, что они неизменны со своих позиций, другими словами, всегда присутствуют в одном и том же образе, форме.

¹⁷ Ш. Галлагер в своей книге «Как тело формирует сознание» говорит о возможности мыслить проприоцепцию уже как форму сознания: «С другой стороны, психологи и философы (Бермудез, О'Шонесси, Шумэйкер — А. Х.) иногда рассматривают соматическую проприоцепцию как форму сознания. Говорится, что субъект проприоцептивно осознает свое тело, сознательно *знает*, где находятся его конечности в каждый момент времени, по мере того, как он движется в мире. Таким образом, проприоцепция может означать либо не-сознательную *информацию*, либо форму сознательного *схватывания*». [5, Р. 7]

цию о себе, в соответствии с конкретной ситуацией. В предыдущем примере эту информацию можно описать следующим образом: мое приприоцептивное схватывание себя затрагивает также и объект в моей руке — молоток — я ощущаю его поверхность, его вес и прикладываю необходимую силу соответственно этим показателям для того, чтобы забить гвоздь. Соответственно, я ощущаю отдачу от удара, вибрацию молотка, которая переходит в кисть, руку и тело в целом. Я воспринимаю себя как опирающегося на нижнюю поверхность и ударяющего молотком по гвоздю. Конечно, можно привести пример с только визуальным опытом, без действия. В данном случае, мне хотелось заострить внимание на использовании определенных возможностей — действия в восприятии — через которое выстраивается экологическая самость.

Итак, мы представили три пункта, характеризующие субъекта восприятия в экологическом подходе: связка «организм-окружающий мир», диалектика инвариантного и вариантного через связь движения и восприятия, элементы самовосприятия в опыте восприятия. Показав единство всех трех моментов восприятия, мы обратили внимание на близость мысли Гибсона к феноменологической традиции. В то же время мы обратили внимание на действие *визуального эпохэ* и *визуальной редукции*, которые задают экологическое окружение визуального опыта и самого наблюдателя в нем, благодаря которым, экологический подход предоставляет возможности для *иного* толкования воспринимающего субъекта, отличного как от феноменологического интенционального сознания, так и от психологических, объективистских концепций середины XX века. Так, представление о едином диалектическом движении воспринимающего его окружения позволяет представить *герменевтику события восприятия*, в котором происходит становления *первичной формы субъективности* — чувства самости, — разделение своей сферы опыта на собственное бытия и не-собственное; это происходит благодаря проприоцепции, мотивирующим возможностям окружающего мира, инвариантной структуре восприятия. Разработке первичных форм самости (экологической, интерперсональной) посвящены работы У. Найссера, которые представляют развитие идей Дж. Гибсона.

¹⁸ J.-L. Bermudez «The Paradox of Self-consciousness».

¹⁹ У. Найссер на основе концепции Гибсона создает свою концепцию развития чувства самости в субъекте. Так, Найссер выделяет пять стадий самости, расположенных не только в хронологическом порядке, но и предполагающие логическую необходимость такой последовательности: экологическая самость (ecological self), интерперсональная самость (interpersonal self), расширенная самость (extended self), частная самость (private self) и концептуальная самость (conceptual self). См. U. Neisser, *Five kinds of self-knowledge* / Philosophical psychology, vol. № 1, 1988. Из них первые две представляют базовое сознание, первичную форму субъективности, форму схватывания себя в мире. В данной работе мы ограничиваемся рассмотрением лишь одной из них, но также важно отметить, что интерсубъективное расположение в такой же мере составляет первичную форму самости и рассматривается Гибсоном в качестве восприятия *исключительных*, самых сложных объектов окружения — alter ego. Сущностной чертой этих объектов является *спонтанный* характер их движений.

1. *Гибсон Дж. Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию, пер. Т. М. Сокольской, М.: Прогресс, 1988.
2. *Neisser U.* Five kinds of self-knowledge / *Philosophical psychology*, vol. № 1, 1988.
3. *Bermudez J.-L.* «The Paradox of Self-consciousness».
4. *Wider K.* Emotion and self-consciousness / *Self-representational approaches to consciousness*, ed. by U. Kriegel, K. Williford, Massachusetts Institute of Technology, 2006.
5. *Gallagher Sch.* How the body shapes the mind, New York, Oxford University Press Inc, 2005.
6. *Gibson J. J.* Perception of the visual world, Boston: Houghton Mifflin, 1950.

М. В. ШМАТКО

PUBLIC ART: НЕДОВОЛЬСТВО СКУЛЬПТУРОЙ

Описывается феномен «публик арта», искусства в общественных местах. Исследуются особенности этого течения. Public art представляется наиболее движущим весь поток современного искусства процессом, и показано его влияние на коммуникации в культуре. Рассматриваются сходства и различия в экспонировании арт-объектов в музейном пространстве и в городской среде. Представлен критический анализ выставки Энтони Гормли в Эрмитаже, которая также показательна с точки зрения взаимодействия современного искусства и классических музейных пространств. *Ключевые слова:* Музеефикация культуры, коммуникация посредством искусства, произведение как производное, музейная среда и общественное пространство, процесс наделения смыслом, искусство в пространстве города — бунт или капитуляция?

Современные художественные практики беспощадно оккупируют не только предназначенного для этого площади, но и заветные квадратные метры жилого пространства. Под последним понимается и урбанистическая среда, и упорно осваиваемая природная, так, что можно засвидетельствовать новый вид или жанр искусства. В некотором смысле, этот процесс является отображением теории музеефикации культуры [1], но с допущением, что все привнесенные в нее объекты неоспоримо обладают характеристиками музейных экспонатов: достойны охраны, изучения, популяризации и т.д. Мы наблюдаем инверсию методики наделения статусом произведения искусства: теперь не нужно дожидаться социально-культурного одобрения посредством соответствующих инстанций, выражающегося в том числе и в тиражировании арт-объектов в пространство интернета ил города. Теперь достаточно сразу

²⁰ К сожалению, адекватного перевода термина «affordance» в русский язык нет. to afford — быть в состоянии (сделать что-л.) ; позволить себе (что-л.), предоставлять, иметь возможность; affordance — согласие, соответствие, предоставление. Т. М. Сокольская предлагает переводить этот термин словом «возможность». К сожалению, это понятие очень нагружено интерпретациями, которые привносят в понимание данного термина множество коннотаций, не имеющих места в тексте. В данном случае я перевожу этот термин словосочетанием «мотивирующая возможность», чтобы отразить его *активный* характер функционирования.